

Иннокентий Фёдорович Анненский как филолог-классик

Оригинал здесь - <http://annensky.lib.ru/names/zelinsky/zellinsky.htm>

Внезапно, со всею непреодолимостью абсурда, смерть похитила у нас человека, которому по всем человеческим расчетам место еще надолго было в наших рядах. Думаешь об этой смерти - и невольно хватаешься за последний день предшествовавшей ей жизни, за этот образ здорового, цветущего и смеющегося И. Ф., точно желая воротить его с места рокового крушения и направить по другой, безопасной для него и безбольной для его друзей колее.

Это было в понедельник, 30 ноября, на Высших Историко-литературных курсах Н. П. Раева, где покойный в течение последних полутора лет читал античную словесность, и где мы с ним исправно встречались по понедельникам в 12 ч., в перерыве между его парой лекций и моей. Мне рассказывали потом, что он читал в этот день особенно бодро и воодушевленно и потом весело беседовал со слушательницами, приглашавшими его прийти вечером на их концерт и бал. Да и мне он показался тем И. Ф., каким я его знал в лучшие моменты его жизни; говорили мы с ним об его курсе, об Еврипиде и в отдельности об его реферате, который ему предстояло прочесть в тот же вечер в "Обществе классической филологии" о "Таврической жрице" Еврипида. Затем - моя лекция, а следовательно и прощание. Говорю ему машинально обычное "до свидания", уже погруженный в свой курс. "Сегодня вечером - не правда ли?" "Да, конечно" - отвечаю, не подозревая, какое это будет свидание.

К 8 часам в помещении Общества собралось большее против обыкновенного число членов - сообщения И. Ф. всегда служили особенно лакомой приманкой для обремененных своим делом и стесненных во времени педагогов. Среди гостей было и несколько "раичек", отчасти в бальных нарядах ввиду предстоящего, после серьезного заседания, веселого праздника в Благородном собрании; было бы и больше, кабы не совпадение с этим самым праздником. Но где же сам референт? Ждем четверть часа, затем еще четверть; живет он в Царском Селе - уж не к поезду ли опоздал?.. Предоставляем слово второму референту, в надежде, что во время его коротенького доклада первый подоспеет... Нет, он все не показывается; зато во время чтения сторож вызывает секретаря к телефону, секретарь подает председателю какую-то записку; всё это делается тихо и по возможности незаметно, чтобы не мешать докладчику, но, разумеется, все это тем не менее замечается и усиливает напряженность ожидания. Доклад кончен; председатель читает доставленную ему записку: "В Царскосельском вокзале внезапно скончался неизвестный господин, который, будучи доставлен в Обуховскую больницу, был опознан как И. Ф. Анненский. Ошибка возможна, но мало вероятна".

Заседание закрывается.

Быстрые, полусознательные прощания; в голове какой-то тупой протест, бесконечно повторяемое "невозможно, невозможно!"; давление абсурда, усугубляемое тяжелым морозом петербургской зимней ночи; и больше ничего, на всем длинном пути, кроме этой внутренней и внешней тяжести, этого внутреннего и внешнего холода. И вот оно, наконец, это мрачное здание Обуховской больницы, тяжелое и холодное, как и все прочее. Голые стены приемного покоя, деревянные скамьи; и на одной из них... нет, теперь ошибка уже невозможна.

Но что это за чудное, ласковое, одухотворенное лицо! Как оно приковывает взор, как побеждает тяжесть и холод всей обстановки этого унылого участка смерти! Не верится, что он умер; он как бы спит, и притом здоровым, спокойным сном. Так и видно, что последняя минута этой прекрасной жизни была безбольной, что враг человечества побоялся слишком грубым прикосновением нарушить гармонию этих тонких, прекрасных черт.

"Сияющая недвижность" чела, окаймленного черными, молодыми волосами; глаза как бы нарочно закрытые, чтобы заслонить завесою век внутреннюю работу мысли от вторжения действительности; мягкое выражение как бы готовых улыбнуться губ...

Вспоминается античная euthanasia; вспоминается желание еврипидовой героини euschemos thanein, "благообразно умереть". Конечно, это не может нас примирить с абсурдом смерти - тут никакое примирение немислимо - но может заставить хоть на минуту о нем забыть.

II

Да простит мне читатель эти строки, навеянные личными воспоминаниями. Я написал их не для